

Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского¹

Шмелева А.В.,

кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой методики преподавания русского языка и литературы ИФИ МГОУ; Президент Ассоциации педагогов Московской области «Учителя русского языка и литературы», Москва, Россия, lugganna@yandex.ru

Ковалева А.Е.

воспитанница Московского кадетского корпуса, «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», Москва, Россия

А.С. Пушкин – один из первых поэтов, который возвысил свой голос в поддержку внешней политики России относительно славянских народов, терпящих унижение от турецкой власти, и провозгласил о том, что Европа не должна вмешиваться в деятельность славян, защищающих свои государственные интересы и национально-исторические традиции. Проблема, поставленная А.С. Пушкиным о единстве славянского мира и России, станет знаковой для следующего поколения русских мыслителей – славянофилов А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.А. Аксакова, Н.М. Языкова и др. Творческое общение А.С. Пушкина с будущими славянофилами послужило выработке принципов историзма и народности в истории русской словесности и определению вектора русской общественной мысли. Обращение к историческому прошлому Отечества и национальным идеалам стало основой формирования православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы трансформировалась в своеобразную духовно-просветительскую программу. Под непосредственным воздействием поэзии А.С. Пушкина были определены литературно-эстетические и историософские критерии. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» вливалось в единый голос консервативного крыла писателей.

Ключевые слова: Россия, славянский мир, единство, историческая миссия, национальная независимость, славянофилы.

Для цитаты:

Шмелева А.В., Ковалева А.Е. Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №2. URL:

¹ Тезисы, содержащие результаты данного исследования, были озвучены на апрельских конференциях в МГППУ (XV Городская научно-практическая конференция «Молодые ученые – столичному образованию») и в Казанском государственном медицинском университете (VI Международная научно-практическая конференция «Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей», посвященной 10-летию кафедры русского и татарского языков), а также в публикациях сборников по материалам упомянутых конференций.

Шмелева А.В., Ковалева А.Е.
Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до
Достоевского
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 2. С. 37–53.
doi: 10.17759/langt.2016030205

Shmeleva A.V., Kovaleva A.E.
Slavic question in Russian poetry: from
Pushkin to Dostoevsky
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 2, pp. 37–53.
doi: 10.17759/langt.2016030205

http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shmeleva_Kovaleva.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030205

For citation:

Shmeleva A.V., Kovaleva A.E. Slavic question in Russian poetry: from Pushkin to Dostoevsky [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [*Language and Text langpsy.ru*], 2016, vol. 3, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Shmeleva_Kovaleva.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030205

8 июня 1880 года Ф.М. Достоевский в своей речи о А.С. Пушкине, произнесенной на заседании Общества любителей российской словесности, отметил «пророческое» значение русского поэта, «всемирность и всечеловечность его гения», заключив тем, что «Если бы жил он [А.С. Пушкин – А.Ш., А.К.] дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [2, т.26, с.149]. Следует полагать, что о «великой тайне» А.С. Пушкина Ф.М. Достоевский начал размышлять довольно рано. Первый поэт России восхищал Ф.М. Достоевского смеслостью своих рассуждений о славянско-русском единстве. Желание Ф.М. Достоевского следовать традициям А.С. Пушкина довольно скоро проявилось в творчестве, когда в одном из ранних своих стихотворений «На европейские события в 1854 году» он словно продолжает развивать пушкинский замысел оды «Клеветникам России».

Во второй половине 1850-х годов Ф.М. Достоевский, действительно, на короткое время «заговорил» стихами. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» соответствовали общему настроению консервативного крыла литераторов, отреагировавших на отношение Европы к России, на события внутри России и на международную обстановку той поры. Стихотворение Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» написано в связи с обострившимся конфликтом между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой, после того как Англия и Франция объявили России войну. 11 апреля 1854 года в России был обнародован официальный манифест о войне. Непосредственным поводом к войне послужил спор России и Турции о святых местах в Иерусалиме и нежелание европейских стран – Англии и Франции поддержать в этом споре Россию.

Увлечение в это время христианской религиозностью сплетается в сознании Ф.М. Достоевского с размышлениями о судьбе России, о месте России в судьбах мира, о миссии России на христианском Востоке и славянских Балканах. В своем стихотворении Ф.М. Достоевский вспоминает политическую ситуацию в Европе в 1831–1832 гг., русско-польский конфликт, о котором писал А.С. Пушкин в послании «Клеветникам России». Обращаясь по примеру А.С. Пушкина к западным дипломатам и журналистам, Ф.М. Достоевский отвечает на их обвинения, вызванные восточной политикой России («Писали вы, что начал ссору русский...»). Как и А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский верит в историческое призвание России:

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!

Мы веры нашей, спроста, не теряли
(Как был какой-то западный народ);
Мы верую из мертвых воскресали,
И верую живет славянский род.
Мы веруем, что Бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может! [3]

А.С. Пушкин – один из первых русских поэтов, кто возвысил свой голос в поддержку внешней политики России относительно славянских народов, терпящих унижение от турецкой власти, и провозгласил о том, что Европа не должна вмешиваться в деятельность славян, защищающих свои государственные интересы и национально-исторические особенности бытия. А в 1830-е годы в поэзии А.С. Пушкина эта тема приобрела внушительный размах. В 1830 году А.С. Пушкин пишет стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...», в котором поэт отмечает последствия влияния Западной Европы на правоверных мусульман:

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил –
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

[5, т.3, с.247]

А.С. Пушкин в это время находился в Болдине. Но, как известно, годом ранее (в 1829-м) А.С. Пушкин совершил путешествие в Закавказье, в действующую армию генерала И.Ф. Паскевича, который вел военные действия против Турции. А.С. Пушкину удалось побывать в старинной армянской крепости Арзрум, отвоеванной еще в 1828 году у Турции. Стихотворение вошло в текст пятой главы «Путешествия в Арзрум». А.С. Пушкин убежден, что «Веры чистый луч потух» в Стамбуле вследствие того, что Стамбул стал прельщен «лукавым» Западом: стал пить вино в часы молитв, стал предаваться разврату и развлечениям. Мощным антиподом Стамбулу является Арзрум. А.С. Пушкин противопоставляет измены древнего Востока и верность традициям арзрумских джигитов:

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоше позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.
Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.

Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.
[5, т.3, кн.1, с.247-248]

Повторяющиеся в стихотворении местоимения «мы», «наш», «наши» создают ощущение сопричастности вечным ценностям, некоей нравственной эйкумены народов, базирующимся на вере и верности.

Г.П. Макогоненко отмечает, что «В наследии Пушкина реалистического периода (с 1823 по 1830 год включительно) значительное место занимают блистательные лирические стихотворения. (После 1830 года любовных стихотворений Пушкин не писал.)» [4; 76]. Н.Л. Степанов обращает внимание на то, что «В лирике Пушкин с большой глубиной и правдивостью передает свои переживания, мысли и настроения, характеризующие его духовный мир, воссоздающие его внутренний облик. Поэтому для лирики Пушкина отнюдь не безразлично, к кому обращено то или иное стихотворение, с каким жизненным моментом его биографии оно связано. Точность и конкретность поэтических образов проясняются нашим знанием тех обстоятельств, того адресата, с которыми соотносено то или иное стихотворение. Расшифровка автобиографических намеков помогает понять лучше душевное состояние Пушкина, его мироощущение, отразившееся в данном стихотворении, способствует уяснению поэтической ткани его стихов» [6, с. 104-105]. С 1830 года в творчестве А.С. Пушкина уверенно заявляют о себе и новые темы: А.С. Пушкин создает «Бесы», «Повести Белкина», «маленькие трагедии». Скорее всего, осознание роли России в славянском мире привело А.С. Пушкина к философским размышлениям и судьбе своего собственного творчества.

«Путешествие в Арзрум» стало своеобразной кульминацией творчества той поры. Наблюдения А.С. Пушкина над жизнью кавказских народов привели к философским раздумьям о христианских ценностях, о судьбе Византии как Второго Рима. Град Константина Великого – некогда духовного оплота православного мира, померк под натиском мусульманской Турции. В стихотворении «Олегов щит», опубликованном А.С. Пушкиным в 1830 году в альманахе «Северные цветы», поэт обращается к истории русско-византийских отношений. Поводом к написанию послужил Адрианопольский мир (2 сентября 1829 года), прекративший русско-турецкую войну. Тогда русская армия перешла Балканы и остановилась в 240 км. от Константинополя – в Адрианополе, где и был подписан мирный договор.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой

К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

[5, т.3, кн.1, с.166]

А.С. Пушкин вспоминает воинственного киевского князя Олега, который, согласно «Повести вре́менных лет», в лето 6415 (907 год) совершил морской поход на Константинополь и заключил на весьма выгодных для русичей условиях мир. С.А. Фомичев заметил, что А.С. Пушкин обратил внимание на совпадение в датах заключения Андрианопольского договора и заключения Договора Олега с греками и «хотел подчеркнуть как раз «парадоксальное несходство двух исторических событий» [9, с. 129–130]. Сеем утверждать, что художественная деталь – «старый щит», которую использует А.С. Пушкин, выражает философское осмысление истории – русские войска не вошли в Константинополь. Заветная мечта русских монархов вернуть Крест на Царьградскую Софию осталась не осуществленной. Находясь на дипломатической службе в Баварии, Ф.И. Тютчев вслед за А.С. Пушкиным в стихотворении «Императору Николаю I» <с немецкого> откликнулся на заключение Андрианопольского договора между Россией и Турцией, предоставившего автономию Греции по отношению к Турции, прославив русского императора и выразив многовековую надежду на возрождение духовной славы православных греков:

Стамбул исходит –
Константинополь воскресает вновь...

[8, т.1, с.72–73]

По прошествии двадцати лет в стихотворении «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..», обращенном к канцлеру графу К.В. Нессельроде, проводившему проавстрийскую политику, Ф.И. Тютчев вновь задумывается об исторической миссии России, он сумел воплотить и идеалы, и надежды, и веру в предназначение России:

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее Царей, –

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим мечом, –

Венца и скипетра Византии
Вам не удасться нас лишить!
Всемирную судьбу России –

Нет! Вам ее не запрудить!..

[8, т.2, с.16]

К образу победоносного Киевского князя Олега Ф.И. Тютчев обращается в стихотворении «Олегов щит» (1829). Во время русско-турецкой войны в осмыслении и А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева ратный щит русича-князя на царских вратах Царь-града приобретал смысл победного знака, из глубин истории взывающий к ратному подвигу:

О, наша крепость и оплот!
Великий Бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

[8, т.1, с.71]

Византийская тема рефреном проходит через всю поэзию Ф.И. Тютчева, что нашло свое отражение в стихотворениях «Рассвет» (1849), «Пророчество» (1850), «Тогда лишь в полном торжестве...» (1850), «Уж третий год...» (1850), «Море и утес» (1850), «Ты долго ль будешь за туманом / Скрываться, Русская звезда...» (1866) и др. В стихотворении «Русская география» (1848/1849) Ф.И. Тютчев уже заявлял о богоизбранности Русской земли и ее великого исторического призвания:

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства Русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временамсцдъбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги до Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское.. и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

[8, т.1, с.200]

Это стихотворение Ф.И. Тютчев создавал под впечатлением от европейских февральско-мартовско-апрельских событий 1848 года, одновременно начиная работу над публицистическими трактатами «Россия и революция», «Папство и римский вопрос»,

рассуждая о политической судьбе Европы и укрпляясь в предначертанном России служении в мире и миру.

На знаменах своего творчества Ф.И. Тютчев запечатлел образ А.С. Пушкина и после гибели поэта в стихотворении «29-е января 1837 года» («Из чьей руки свинец смертельный...») сделал признание от всего русского народа: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет!..» [8, т.1, с.175]. И.С. Аксаков в речи на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве 8 июня 1880 года, вспоминая пушкинский «Олегов щит», признал: «Да, Пушкин был живой русский, исторический человек. Историческое чувство, историческое сознание!.. Да ведь это значит – уважение к своей земле, признание исторических прав своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что перед нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей» [1].

У А.С. Пушкина византийская тема вытекала из славянской. Тема древнего славянства была дорога А.С. Пушкину. Еще в 1822 году в альманахе «Северные Цветы» поэт опубликовал «Песнь о Вещем Олеге», в которой запечатлел предание о гибели князя-воина от своего коня. Однако «Всю песнь пронизывает цареградский мотив, христианский. Со своей дружиной Олег едет по полю в «цареградской броне», он воевал в самой столице Византийской империи (907), прибил на ее царских вратах свой ратный щит. Русско-Византийская история знает о бесстрашии и воинской доблести князей-русичей, история сохранила не один Договор славян с греками. Договор Олега с греками (911) вошел в историю как первый официальный документ дипломатических отношений» [11, с. 147]. В 1830 году, вслед за стихотворением «Стамбул гяуры нынче славят...», А.С. Пушкин пишет стихотворение, обращенное к Греции.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.
Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах Перикла,
На мраморных Афин.
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

[5, т.3, кн.1, с.169]

Б.В. Томашевский высказал предположение о том, что стихотворения А.С. Пушкина «Опять увенчаны мы славой...» и стихотворение «Восстань, о Греция, восстань...» – являются единым стихотворным текстом. Стихотворение стало известно только в 1903 году благодаря историку литературы И.А. Шляпкину, который, в свою очередь, получил его от своего племянника – писателя П.В. Анненкова. Как известно, это стихотворение А.С. Пушкин так и не напечатал [12, с. 270]. Борьба Греции за свою национальную независимость и участие России в защите национально-исторических интересов братских по вере народов, видимо, остро волновали А.С. Пушкина:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.
И [дале] двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
[В свои объятия тугие].
[5, т.3, кн.1, с.168]

Тема греческого сопровствления опосредованно возникнет в повести А.С. Пушкина «Выстрел», вошедшей в цикл повестей «Покойного Ивана Петровича Белкина». А.С. Пушкин был вдохновлен желанием русских добровольцев помочь восставшему греческому народу. Прототипом главного героя стал, как известно, друг А.С. Пушкина, сын обрусевшего испанского гранда генерал-майор И.П. Липранди, блестящий знаток истории Оттоманской империи (с 1828 года – глава высшей тайной заграничной полиции), а сокурсник А.С. Пушкина по Лицею Сильверий Броглио «дал» фамилию пушкинскому герою. Сильверий Броглио был родом из Италии, потому по окончании обучения уехал в Италию и там примкнул к освободительному движению против королевской власти, за что в 1821 году был лишен всех званий и регалий, но в 1824 году он вновь среди восставших – на этот раз за свободу Греции от османского ига. Сильверий Броглио героически погиб. Погиб и герой повести А.С. Пушкина «Выстрел»: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» [5, т.8., кн.1, с.74].

В 1831 году А.С. Пушкин пишет послание «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии?»). Для самого А.С. Пушкина оно имело особую ценность, поскольку за 1831–1832 годы было опубликовано трижды. Впервые вошло в печатную брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831. С.7-9). В стихотворении «Клеветникам России» А.С. Пушкин прямо обратился к «народным витиям» – депутатам французской палаты маркизу де Ла Файету (Лафайету), который в феврале 1831 года возглавил Польский комитет и призывал Францию поддержать поляков в вооруженном выступлении против России, и Франсуа Могену, вместе с генералом Максимилианом Ламарком активно призывавшему к военному вмешательству на стороне Польши, а также к европейским журналистам, обращавшимся к европейским странам вмешаться во внешнюю политику России относительно Польши – Польша тогда в 1830-1831 годах восстала против власти Российской империи на территории Царства Польского. Мятеж был подавлен, но вызвал массу клеветы и осуждения со стороны европейских держав. А.С. Пушкин словно включился в этот диалог:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
[5, т.3, кн.3, с.269]

Сохранился черновой текст письма А.С. Пушкина, написанного графу А.Х. Бенкендорфу, который в очередной раз подчеркивает смелость поэта и его активное участие в защите интересов России: «Ныне когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всех нас противу Польских мятежников; озлобленная Европа нападает покаместь на Россию, не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой – [Пр<авительства>] конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны.... Пускай позволят нам Русским писателям отражать бесстыдные и невежественные нападения иностранных Газет. С радостью взялся бы я за редакцию Политического и Литературного Журнала, т.е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости – около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые всё еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к Просвещению» [5, т.14, с.283-284].

В 1834 году А.С. Пушкин вновь обращается к славянской теме. Он создает цикл стихотворений «Песни западных славян». В предисловии к «Песням...» А.С. Пушкин признается в том, что часть этих песен он позаимствовал из книги Проспера Мериме *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*, вышедшей в Париже в 1827 году. Подлинность песен была признана Адамом Мицкевичем, которому А.С. Пушкин, по его собственному признанию, доверял как «критику зоркому и тонкому и знатоку в славянской поэзии». А.С. Пушкин обратился к своему близкому другу С.А. Соболевскому, который, в свою очередь, был знаком с французским писателем, дабы выяснить, «на чем основано изобретение странных сих песен». П. Мериме откликнулся быстро, написав русскому адресату довольно пространное и откровенное письмо.

А.С. Пушкин же с увлечением стал работать над материалом европейского коллеги. Ряд песен посвящен национальному сопротивлению сербов и черногорцев «Битва у Зеницы-Великой», «Гайдук Хризич», «Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош». В песне «Видение короля» обращает на себя внимание тот исторический факт, который А.С. Пушкин приводит: речь идет о короле Стефане, брат которого, не смирившись с тем, что Стефан стал единоличным правителем в 1460 году после убийства ими отца Фомы I, переметнулся в Турцию к султану Магмету II; Стефан же, послушав наставление Ватикана, пошел войной на турков и потерпел поражение: в Ключ-городе Стефан попал в плен и за отказ перейти в мусульманство принял мученическую кончину. За рамками сюжета остается принуждение короля папским легатом к войне против Турции, внимание сосредоточено на видении короля, которое станет пророчеством. Получается, что внешне – по реальному сюжету король Стефан готов к мучениям, расплачиваясь за убийство отца, с другой – за рамками остается большая политическая игра Ватикана, сталкивающего западных славян с турками.

В «Песнях западных славян» сплетены и героическое прошлое славянских народов и их современная история. И проблема, поставленная А.С. Пушкиным о единстве славянского мира и России, станет знаковой для следующего поколения русских мыслителей – славянофилов А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, И.А. Аксакова, Н.М. Языкова и др. Творческое общение А.С. Пушкина с будущими славянофилами послужило выработке принципов историзма и народности в истории русской словесности и определению вектора русской общественной мысли. Обращение к историческому прошлому Отечества и национальным идеалам стало основой формирования православно-славянского мировоззрения ранних славянофилов. Идеализация ими культурно-исторической базы трансформировалась в своеобразную духовно-просветительскую программу. Под непосредственным воздействием поэзии А.С. Пушкина были определены литературно-эстетические и историософские критерии.

События 1828–1829 годов вызвали патриотический подъем в среде передовой писательской молодежи. Так, А.С. Хомяков с началом войны вновь на военной службе: участвует в осаде крепости Шумла, разрабатывает дальнобойное оружие, дважды ранен... по

пути на Дунай и в течение всей кампании пишет стихи «Экспромт. К Н.А. Муханову», «Сон», «Прощание с Адрианополем» и др. Последующие события в Польше также нашли отражение в «Оде (на Польский мятеж)». Но в отличие от своего великого современника А.С. Пушкина, А.С. Хомяков пошел дальше: он высказал мысль, которая станет доминирующей в программах славянофилов – единение всех славян под эгидой «Северного Орла» (России):

И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес...
Он видит: гордо над вселенной,
До свода синего небе,
Орлы Славянские взлетают
Широким дерзностным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласие и покой!..

[10, с. 136]

В дальнейших рассуждениях А.С. Хомякова и его славянофильского окружения мысль о России как защитнице «младших братьев» будет лишь усиливаться, и уже в начале 1850-х годов последуют открытые призывы к «славянским братьям» сражаться за свою национальную независимость и обращения к России – исполнить свое призвание:

России

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш возлюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.

Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкою бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом – то Божий меч!

[10, с. 221-222]

Стихотворения А.С. Хомякова вызвали мощный общественный резонанс не только в России, но и далеко за ее пределами. О А.С. Хомякове заговорили как о поэте, призывающем к объединению «окованных братьев» славян под скипетром Российской державы. А.С. Хомяков, пожалуй, единственный из поэтов его времени, кто мог обосновать богоизбранность России в защите интересов славянства, при этом вовсе не идеализируя России, история которой знает и «темные пятна». Призывая к осознанию своих грехов, А.С. Хомяков призывает к покаянию, без которого невозможно исполнить Промысел Божий. Покаяние, как можно судить по А.С. Хомякову, ведет к ответственности поколений перед судом истории за прошлое и определяет настоящее, см., например: «России («Гордись! – тебе льстецы сказали...») (1839), «Исповедь («Не говорите:

”То былое, То старина, то грех отцов...”») (1844) и др. В одном из вариантов «Исповеди русских» (так первоначально называлась «Исповедь») А.С. Хомяков, под воздействием историософии А.С. Пушкина, призывает к покаянию и в грехе цареубийства: «За клевету на Годунова, / За смерть и стыд его детей, / За Тушино, за Ляпунова, / За пьянство бешеных страстей...». Личный духовный опыт, преодоление жизненных коллизий привело А.С. Пушкина к осмыслению философии истории и философии литературы. Со второй половины 1820-х годов в А.С. Пушкине уже говорит поэт-государственник, поэт-геополитик, поэт, последовательно выражающий национальные интересы России. И славянофилы начертали пушкинское слово на своих знаменах!

1. Ф.М. Достоевский всю жизнь высоко ценил творчество А.С. Пушкина. В апреле 1854 года в стихотворении «На европейские события в 1854 году» он вспоминает исторические события, характер которых уже имел место быть – когда европейские политики вытались диктовать условия России. Обращаясь по примеру А.С. Пушкина к западным дипломатам и журналистам, Ф.М. Достоевский отвечает здесь на обвинения, вызванные восточной политикой России. Стихотворение «На европейские события в 1854 году» отличает острое политическое звучание. По своей тематике оно было актуальным. В нем отразилась реакция Ф.М. Достоевского на происходящие в Европе события. Россия – вновь в центре международного конфликта. Поэты-славянофилы (а это были люди пушкинского окружения) в первые месяцы после начала военных действий были склонны рассматривать войну как испытание, нужное России для ее возрождения, и вместе с тем как средство для освобождения славянских народов из-под власти Турции и для будущего торжества православного Востока над католическим Западом [7].

И хотя стихотворение Ф.М. Достоевского было актуальным, оно не было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» (в рубрике «Восстание христиан на Востоке», как предполагал Ф.М. Достоевский). Известно также, что стихотворение было представлено 1 мая 1854 года командиром батальона в Штаб отдельного Симбирского корпуса с ходатайством автора «о дозволении поместить оное в «Санкт-Петербургских ведомостях». В свою очередь, начальник штаба 26 июня 1854 года препроводил стихотворение управляющему III Отделением Его Императорского Величества канцелярии Л.В. Дубельту. Разрешения от III Отделения Е.И.В. канцелярии на печатание стихотворения Ф.М. Достоевского не последовало. Автограф стихотворения так и остался в деле III Отделения «Об инженер-поручике Федоре Достоевском». При жизни писателя стихотворение опубликовано не было, впервые оно увидело своего читателя в «Литературном приложении» консервативной газеты «Гражданин» (1881, №1), издателем которой был князь В.П. Мещерский (а в 1873-1874 годах Ф.М. Достоевский был редактором газеты, к тому времени уже имевший опыт в журналах «Век» и «Эпоха»).

В стихотворении Ф.М. Достоевского отражена реакция России на происходящие в Европе события и впечатления от отгремевших залпов Крымской или Восточной войны, в результате которой Россия не смогла усилить свое влияние на Балканах и помочь в отстаивании национальных интересов балканским народам, а также потеряла Черноморский флот. При этом в стихотворении доминируют высокие патриотические настроения автора, определяемые, в первую очередь, осмыслением исторической миссии России – России как гаранта безопасности на Балканах, как защитницы славянских интересов всего славянского мира. Идеи о славянском единстве были навяны А.С. Пушкиным, потому Ф.М. Достоевский обращается в своем стихотворении к теме, которая его великим предшественником была выстрадана. Ф.М. Достоевский убежден в неколебимости России и непобедимости русского народа, у которого есть несокрушимая статья – его вера в историческое предназначение:

Не вам судьбы России разбирать!

Неясны вам ее предназначенья!
Восток – ее! К ней руки простирать
Не устают мильоны поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так Бог велел!) Россией настает.
То внове Русь, то подданство царя,
Грядущего роскошная заря! [3]

В стихотворении Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» отразились общественно-политические взгляды, сконцентрированные на проблеме «Россия и Европа». Эта проблема по-прежнему была в центре внимания передовых литераторов и публицистов той поры, в частности, Ф.И. Тютчева и славянофилов. В разгар Крымской войны Ф.И. Тютчев пишет ряд стихотворений «Теперь тебе не до стихов, О слово русское, родное», «Вот от моря и до моря Нить железная скользит...» и др., которые дополняет стихотворение, написанное в связи с религиозно-освободительным движением греков-христиан острова Крит против турецкого господства над ними – «Ты долго ль будешь за туманом Скрываться, Русская звезда...» (1866), вновь затрагивающая тему России и ее миссии по защите единоверных народов. В творчестве Ф.М. Достоевского наблюдается свой, оригинальный взгляд на решение данной проблемы, соотносящийся с его последующим прозаическим творчеством (письмами, публицистикой).

Стихотворения Ф.М. Достоевского, написанные в середине 1850-х годов, и особенно – «На европейские события в 1854 году» предвосхищают его общественно-политическую публицистику последующих десятилетий. Коронация императора, по случаю которой Ф.М. Достоевскому было объявлено помилование, совпала с обращением Ф.М. Достоевского к новой форме творчества – поэзии. Этот небольшой цикл стихотворений («На первое июля 1855 года», «На коронацию и заключение мира», «На европейские события в 1854 году») не выглядит инородным в контексте всего творчества писателя-мыслителя. В творческом наследии русских художников слова XIX столетия – Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.П. Чехова и др., которых справедливо называют «властителями дум», можно обнаружить поэтические произведения. Поэзия во многом способствовала определению творческого пути, была своеобразным вектором, направляющим творчество. В упражнении поэзией, как можно предположить, выработывалась и особая стилистическая манера, нередко проявляющаяся в лирических отступлениях и лиризме прозы.

В исследовательской литературе о Ф.М. Достоевском сложилось устойчивое убеждение о том, что создавая политические стихотворения, Ф.М. Достоевский преследовал прежде всего цель убедить правительство в своей благонадежности и сделать попытку начать печататься. Возможно, это и так. Но Ф.М. Достоевский к этому времени был человеком, с которым произошел духовный и мировоззренческий переворот. В 1854 году Ф.М. Достоевский уже иначе смотрит на возможности проявления своей общественной позиции, которую уже можно охарактеризовать как консервативную. Наблюдение над судьбами «униженных» и «оскорбленных», характером простого русского человека, пусть и дошедшего до дна жизни, раскрыло знание самой жизни. Очевидно, публикация данного материала должна была заявить о Ф.М. Достоевском как о ярком мыслителе, которому небезразлична судьба России и который понимает ее историческую миссию:

Смешно французом русского пугать!

Знакома Русь со всякою бедой!
Случалось ей, что не бывало с вами.
Давил ее татарин под пятой,
А очутился он же под ногами.
Но далеко она с тех пор ушла!
Не в мерку ей стать вровень даже с вами;
Заморский рост она переросла,
Тянуться ль вам в одно с богатырями!
Попробуйте на нас теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!
Страдала Русь в боях междоусобных,
По капле кровью чуть не изошла,
Томясь в борьбе своих единокровных;
Но живуча святая Русь была! [3]

Ф.М. Достоевский всю жизнь словно следовал традициям А.С. Пушкина. Как и А.С. Пушкин, он был опальным, как и А.С. Пушкин он засвидетельствовал своим творчеством новый осмысленный путь – путь служения России словом. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание» [2, т.26, с.129]. Таким пророчеством и указанием стал А.С. Пушкин и для самого Ф.М. Достоевского. В последующие 1870-е годы тема славянского единства приобретет новое звучание в русской поэзии и публицистике, а славянские народы, угнетаемые Османской властью, наконец, добьются независимости и под покровительством Российской Империи начнут обустривать свое государственное бытие.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Речь о А.С. Пушкине / Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям российской словесности") // http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0130-1.shtml
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ред. коллегия: В.Г. Базанов, Ф.Я. Прийма, Г.М. Дридендер и др. Л.: «Наука», 1972-1990.
3. *Достоевский Ф.М.* Интернет-ресурс http://modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/stihotvoreniya_i_stihotvornie_nabroski_shutochnie_stihi_parodii_epigrammi/read

4. *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). Л.: Художественная литература, 1974.
5. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич, Г.О. Винокур, А.М. Деборин, П.И. Лебедев-Полянский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
6. *Степанов Н.Л.* Лирика Пушкина. Очерки и этюды. М.: Советский писатель, 1989.
7. *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т.1. С.449-452.
8. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6-ти т. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский Центр «Классика», 2003.
9. *Фомичев С.А.* «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов щит» / Болдинские чтения. Горький, 1981.
10. *Хомяков А.С.* Стихотввоерния / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 704 с.
11. *Шмелева А.В.* А.С. Пушкин и славянофилы. О влиянии поэта на творческое самоопределение ранних славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2011. № 3. с. 142-149. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/135>
12. *Щеголев П.Е.* Ненаписанные стихотворения Пушкина // Исторический вестник, 1904. Январь.

Slavic question in Russian poetry: from Pushkin to Dostoevsky

Shmeleva A.V.,

PhD (Philology), Associate Professor, Head of a chair of methods of teaching Russian language and literature, President of the Association of teachers of the Moscow region "Teachers of Russian Language and Literature, Moscow, Russia, lug-anna@yandex.ru

Kovaleva A.E.,

student, Russian Defense Ministry's boarding school for girls, Moscow, Russia

A.S. Pushkin is one of the first poets who raised his voice in support of Russia's foreign policy concerning to the Slavic peoples who were suffering from Turkish authorities' humiliation. He also declared that Europe should not interfere in the activities of the Slavs, who protected their national interests and the national and historical traditions. The problem will be a landmark for the next generation of Russian thinkers- slavophiles such as A.S. Khomyakov, Y.F. Samarin, I.A. Aksakov, N.M. Iazykov and others. Pushkin's creative communication with the future Slavophiles was the development of the principles of historicism and nation in the history of Russian literature and determining the vector of Russian social thought. Appeal to the historical past of the Fatherland and national ideals was the basis for the formation of the Orthodox-Slavic ideology of the early Slavophiles. The idealization of the cultural and historical base was transformed into a kind of spiritual and educational program. Under the influence of the Pushkin's poetry there were defined literary-aesthetic and historiosophical criteria. The poem by F.M. Dostoevsky «On the European events in 1854» was poured into a single voice of the conservative wing of the writers.

Key Words: Russia, the Slavic world, the unity, the historical mission, national independence, the Slavophiles.

References

1. *Aksakov I.S. Rech' o A.S. Pushkine / Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika / Sost., vstupit, stat'ya i komment. A.S. Kurilova. M.: Sovremennik, 1981. (B-ka "Lyubatelyam rossijskoj slovesnosti")* // http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0130-1.shtml
2. *Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. / Red. kollegiya: V.G. Bazanov, F.YA. Prijma, G.M. Dridlender i dr. L.: «Nauka», 1972-1990.*
3. *Dostoevskij* *F.M.* Internet-resurs http://modernlib.ru/books/dostoevskiy_fedor_mihaylovich/stihotvoreniya_i_stiho_tvornie_nabroski_shutochnie_stihi_parodii_epigrammi/read

4. *Makogonenko G.P.* Tvorchestvo A.S. Pushkina v 1830-e gody (1830-1833). L.: Hudozhestvennaya literatura, 1974.
5. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: V 16 t. / Red. komitet: M. Gor'kij, D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.D. Bonch-Bruevich, G.O. Vinokur, A.M. Deborin, P.I. Lebedev-Polyanskij, B.V. Tomashevskij, M.A. Cyavlovskij, D.P. YAkubovich. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959.
6. *Stepanov N.L.* Lirika Pushkina. Ocherki i ehtyudy. M.: Sovetskij pisatel', 1989.
7. *Tarle E.V.* Krymskaya vojna. M.; L., 1950. T.1. pp. 449-452.
8. *Tyutchev F.I.* Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 6-ti t. / Sost. V.N. Kasatkina. M.: Izdatel'skij Centr «Klassika», 2003.
9. *Fomichev S.A.* «Zagadochnoe» stihotvorenie Pushkina «Olegov shchit» / Boldinskij chteniya. Gor'kij, 1981.
10. *Homyakov A.S.* Stihotvvoerniya / Sost., vstup. st. i komment. V.A. Kosheleva. M.: Progress-Pleyada, 2005. 704 p.
11. *Shmeleva A.V.* A.S. Pushkin i slavyanofily. O vliyanii poehta na tvorcheskoe samoopredelenie rannih slavyanofilov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (EHlektronnyj zhurnal). 2011. № 3. pp. 142-149. <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/135>
12. *SHCHegolev P.E.* Nenapisannye stihotvoreniya Pushkina // Istoricheskij vestnik, 1904. YAnvar'.